

ДЖОУИ ГРАСЕФФА

ЭЛИТЫ
ЭДЕМА

ДЖОУИ ГРАСЕФФА
при участии **ЛОРЫ Л. САЛЛИВАН**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г77

JOEY GRACEFFA
ELITES OF EDEN

Печатается с разрешения издательства Atria Books,
An Imprint of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Аркадия Проходского*

Грасеффа, Джоуи.

Г77 Элиты Эдема: [роман] / Джоуи Грасеффа; пер. с англ.
А. Проходского. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Блогер. Fiction).

ISBN 978-5-17-107603-0

Семнадцатилетняя Ярроу — девушка из богатой семьи, дочь одной из самых могущественных женщин Эдема, ученица привилегированной школы, чья беззаботная жизнь проходит в вечеринках и развлечениях. У её ровесницы Рауэн иная участь. Законы Эдема запрещают семьям иметь больше одного ребенка, и родившаяся чуть позже своего брата-близнеца Рауэн не имеет права на существование... Две совершенно разные жизни, но одна судьба: после того, как она сведет их вместе, Эдем уже не будет прежним.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107603-0

Copyright © 2017 by Joseph Graceffa
Cover design © Krzysztof Iwanski 2017
Author's photo © Hope Kauffman
© А. Проходский, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Эта книга посвящается всем тем,
кто хочет изменить этот мир к лучшему.
Тем, кто осознает, что каждое наше действие
оставляет заметный след на планете
и отражается на окружающей среде.*

*Надеюсь, что рассказанная мною история
никогда не станет реальностью.*

1

Мир расступается, когда появляемся мы, шагая длинными ногами, ясноглазые и ненасытные, словно стая волков. Мы неотразимы, и кому-то со стороны может показаться, что мы белые и пушистые, раз такие красивые. Но зубы у нас еще те.

Мы как солдаты до-катастрофной эпохи, когда люди еще воевали. Всякая мелочь покорно уступает нам дорогу. Большинство не может оторвать от нас глаз. И только самые дерзкие смеют не смотреть в нашу сторону. Непростительная ошибка не боготворить нас. Им это припомнят. И накажут.

Наши школьные юбки шелестят при каждом шаге. Дочери политиков и адвокатов, мы знаем, как склонить закон в свою сторону. В положении об одежде школы «Дубы» сказано лишь, что ученики должны носить изображения зеленых листьев и стебельков — символов нашей школы. Крепкий дуб, который поддерживает нежный стебель. Большинство учеников подчиняются безоговорочно:

похожие друг на друга, как глупые клоны, они сливаются с окружающими. Но не мы.

У меня длинная юбка из ткани, которая не просто окрашена в цвет листвы, а состоит из отдельных элементов в форме дубовых листьев красных, желтых и оранжевых оттенков осени. Листья перекрывают друг друга, каскадом спадают к моим икрам; впрочем, есть несколько особых разрезов, которые приоткрывают ногу до бедра при малейшем движении. Я видела осенний дубовый лес в записи: деревья словно стихийный пожар, в котором краски цвета увядающего костра колышутся на ветру. При каждом шаге юбка шелестит, словно лес, которого мы никогда не видели и не увидим. Я ношу блузку цвета только что распутившегося весеннего листочка: бледно-желто-зеленые стебельки украшают ее на груди.

Перл¹ выглядит как бабочка, порхающая в лесу. Легкий намек на традиционный узор из листьев и стебельков, но ее платье сшито из переливающихся наночастиц, и стоит лучу света попасть на них, как они начинают играть разными оттенками синего, зеленого и серебристого. Ее колготки отливают серебром. Она была бы королевой танцпола в клубе «Тропический лес».

¹ Pearl — в переводе с английского «жемчужина». В книге все имена имеют «природную» основу, указывая на какое-либо явление, существо, растение и т.д. (здесь и далее прим. пер.).

(Я прикусываю язык. Хорошо, что я только подумала об этом, а не сказала вслух. В последние несколько месяцев туда стали ходить ученики из «Калахари», и клуб «Тропический лес» утратил свою популярность.

Неудачники. Вот если бы Перл слышала такое сравнение...)

Наш внешний вид часто вызывает недовольство администрации школы, но они ничего не могут поделать с нами, потому что родители платят непомерно высокие ежегодные взносы за обучение. Иногда они взывают к нашим лучшим чувствам. Ха-ха! Удачи им. Черт возьми, как мы можем всерьез слушаться тех, кто называет себя «сестра» или «брат»? Ни у кого на всей планете нет ни братьев, ни сестер. Не понимаю, почему служители Храма употребляют эти слова. Они хотят, чтобы мы заскучали по старым добрым до-катастрофным временам? Временам, когда люди заводили по несколько детей — братьев и сестер, как полчища вирусов, захвативших и уничтоживших Землю? Представляете, каково тогда жилось? Мир старательно изживал людей. Тьфу.

Сегодня людей осталось не больше миллиона. По-моему, это в самый раз. Количество вполне достаточное, чтобы обеспечить рождаемость без кровосмешения. Достаточное, чтобы для меня всегда нашелся новый красавчик для свиданий. (Хотя, пожалуй, в «Дубах» среди двух сотен учеников есть только шесть действительно привлекательных и хотя бы чуточку заслуживающих внимания пар-

ней, а значит, в мире порядка 30 000 возможных красавчиков. Это по 7500 на каждую из нас, даже если не делиться. А мы обычно делимся.)

Но важнее другое: парой миллионов людей проще управлять. До Гибели Природы королевы и президенты справлялись с гораздо большим их количеством. Перл уверена, что она-то уж знает, как взять власть над каким-то миллионом людей. Она с легкостью правит в нашем пансионе «Дубы».

Она — школьный канцлер. Это официальная должность, избираемая большинством голосов. Но даже если бы ее не выбрали, она все равно управляла бы всем.

Я — ее вице-канцлер. Это не избираемая должность. Я служу по ее прихоти. А в последнее время Перл очень прихотлива.

— Ярроу¹! — шипит она, делая вид, будто шепчет, но ее голос без труда доносится до Коппер² и Линкс³, идущих неподалеку. — Что за хрень у тебя в волосах?

Я смущенно касаюсь своей многослойной прически и чувствую, как сжались мои зубы, хотя уже через секунду заставляю себя улыбнуться:

— Тебе нравится?

Сегодня утром я дурачилась с кистью для волос, и по одной из прядей пустила ручеек воды. Забыла, что так было модно в прошлом году. Я хотела сте-

¹ Yarrow — тысячелистник..

² Copper — медь.

³ Linx — рысь.

реть его, но, видимо, была не в себе и совсем забыла об этом. В последнее время мне никак не удается выспаться. Загадочные сны.

— Нет, — ответила Перл, и я понадеялась, что на этом и закончим. Я потом верну своим волосам естественный цвет. Но Перл улыбается, и ямочки на ее щеках дают понять, что это скорее оскал.

И пытка начинается.

— Если брат Бёрч¹ и медуза Страшила заведут ребенка и ни разу его не приласкают, то он будет выглядеть так же, как сейчас твои волосы.

Перл самодовольно ухмыляется — должна признать, она сегодня в ударе. Но все же брат Бёрч всегда просит нас относиться к Страшилам с уважением. Да, они не похожи на нас, но они чувствуют свое призвание и следуют за ним, подобно служителям Храма. Стоит ли так издеваться над ними?

Коппер и Линкс умом не отличаются, а туда же.

— Ты выглядишь как бродяжка из внешнего мира, которая под синтмескалином свалилась в упаковку супа из сине-зеленых водорослей, — со смешком говорит Коппер.

— И ты такой нищерброд, что слопала все водоросли, оставив последнюю прядь своему дружку, — радостно подхватывает Линкс.

— А дружок-то у тебя рябой.

¹ Birch — береза.

— Он даже не сможет прочитать расписание автобусов.

Я улыбаюсь. Сейчас они просто дурачатся, и моя воинственность исчезает. Мы все время так дразним друг друга. И да, иногда это задевает. Но это не всерьез. Я смеюсь вместе с ними.

Пока Перл не говорит:

— Твой дружок — это второй ребенок.

Я замираю как вкопанная. Перебор. Это означает какого-то изгоя, отверженного. Кого-то, кто не должен существовать. Но это одно из тех словечек, которыми мы обзываем друг друга. Например, «бомжиха». На самом деле мы ничего плохого не имеем в виду — так, еще одно дурашливое оскорбление. Я тоже однажды назвала так Перл. Это было на второй неделе моей учебы в «Дубах». Тогда она так изумилась моей смелости, что я стала ее правой рукой, к недовольству Коппер и Линкс. Они пробовали потом тоже называть ее вторым ребенком, но не преуспели. Я была первой — то ли достаточно смелой, то ли безрассудной, — кто так ее назвал, а Перл любит все новое.

Так что это пустяк, совершеннейший пустяк. Но почему тогда мне кажется, что внутри у меня словно узлом все связали? Почему кажется, что поперек горла встал ком?

— Что с тобой сегодня? — спрашивает Перл. Она уходит, прежде чем я успеваю ответить, и приходится взять себя в руки, чтобы пойти за ней. Другие девочки уже пытаются в прямом и пере-

носном смысле занять мое место. Мне нужно во что бы то ни стало снова оказаться рядом с Перл.

Хотя я в «Дубах» совсем недавно, моя жизнь в прошлой школе уже представляется как в тумане. Я училась в «Пещерах», одной из трех или четырех престижных школ, которые посещают отпрыски элиты Эдема. В тот момент когда я сменила черную форму «Пещер» на наряд с рисунком листьев и стебельков, я поняла, что именно сейчас начинается настоящая жизнь. Словно прошлое было чем-то бессмысленным.

В ту первую ночь, когда Перл просунула голову в дверь моей личной комнаты (ее серебристые волосы доходили почти до талии), она спросила:

— Кто ты такая, черт возьми? Хотя забудь. Кто твои родители, черт возьми?

Затем она подмигнула мне, потому что всех учеников, конечно же, предупредили, чтобы они не спрашивали меня об этом. Моя мама занимается какими-то шпионскими штучками в правительстве, о чем никому не позволено говорить. Это секрет секретов. Я не хожу домой, чтобы с ней повидаться, мне приходится ездить в Центр. Она и есть *тот самый* секрет секретов. Я отправляюсь туда раз в неделю, по пятницам, сразу после уроков, и остаюсь там до субботнего утра. А ведь это самое подходящее время, чтобы по полной отрываться с друзьями, но — семья есть семья, верно?

Той ночью, когда я приехала в «Дубы», Перл позвала меня к себе, и мы вместе с Коппер и Линкс

набрались пряным *аквавитовым* коктейлем. Мне хочется думать, что ее впечатлила моя незаурядная личность, но уверена, что в первую ночь она позвала меня, потому что знала про мою маму. Не страшно. Ведь окажись я занудой, она бы, конечно, изредка обращала на меня внимание, но подружками бы мы не стали. А быть подругой Перл — это самое невероятное, что когда-либо случилось со мной. С ней я оживаю, чувствую себя свободной, неистовой.

Почти всегда.

Через пару лет мы вполне сможем возглавить Эдем, ну а пока мы подневольные ученики. Наш волчий гоног отстывает, сногшибательная спесь сходит на нет, когда появляется высокий худощавый директор — брат Бёрч в рясе цвета зеленой листвы. И тогда нам хочется слиться с остальными учениками: мы же знаем правила игры.

— Доброе утро, брат Бёрч, — говорит Перл, улыбаясь ему ясной, как солнечный луч, улыбкой.

Мы мямлим то же самое.

— Доброе утро, девочки, и пусть благодать Земли снизойдет на вас.

Он доброжелательно кивает. Несмотря на то, что он возглавляет Храм Эдема — самую могущественную религию мира, — а кроме этого еще и директорствует в нашей школе, он носит непритязательную рясу, приличествующую людям низшего сана, и называет себя братом. Как будто он был рукоположен неделю назад. Он не очень старый, учитывая

его сан, ему около сорока. Но, тем не менее, он сирота, выросший в храме. Черные волосы чуть длиннее, чем нужно, неряшливы, словно он причесывается руками, зато бородка ухожена и слегка умощена. Она пахнет, как... Я задумываюсь. Резкий и освежающий аромат, почти медицинский. До боли знакомый, но откуда бы. Мне хочется прижаться к брату Бёрчу каждый раз, когда мы встречаемся с ним. Конечно, я сдерживаюсь.

Он кажется таким простым, добрым человеком. Но мне известно, что он посвящен в глубочайшую Тайну. При нем мне становится не по себе, хотя я не могу сказать почему.

— Как дела на новом месте, Ярроу? Освоилась? — спрашивает он.

Напряжение спадает, потому что мой ответ искренен и очевиден.

— Мне здесь нравится, — говорю я. — Ученики просто потрясающие, и у меня появилось столько новых друзей.

Точнее, трое друзей, двое из которых хотят занять мое место. Впрочем, многие ученики относятся ко мне хорошо. Это ведь то же самое, что быть друзьями, правда? У кого хватит времени больше чем на пару друзей?

— А как учеба? — Брат Бёрч слегка изгибает бровь.

— Ну, вполне, — мои щеки краснеют.

— Сестра Маргарита говорит, что ты рисуешь в конспектах по экоистории. Жуткие каракули, как